

Трусиха снаружи

Моя сестра снаружи – трусиха. На каруселях Наташка закрывает глаза, чтобы не видеть неба и не свалиться в обморок от страха. В озере она плавает у самого берега и трусит даже ногой дотронуться до глубины. Да и плавает только по-собачьи, потому что, если плавать как я, по-лягушачьи, нужно отпустить руки и ноги во все стороны. А она боится, и держит лапы-руки поближе.

Я снаружи – смелая. Я люблю раскачиваться на качелях и протыкать ногами небо, кувыркаюсь на высоких турниках, заплываю за пирс и там запускаю ногу поглубже. Наташка даже драться и давать сдачи не умеет. Когда её в садике кусала Регина, я как старшая приходила разбираться и пугать грызливую девочку. Я показывала ей, что у меня зубы побольше её мелких – я ж на целый год взрослее. Потом высоко задирала подбородок и выразительно выговаривала, делая после каждого слова страшную паузу: «Ещё. Раз. Тронешь. Наташу. Хоть зубом. Будешь. Иметь. Дело. Со мной. С моими клыками. Поняла?».

Вот потому все говорят: «Инка у нас – храбрый лягушонок». А Наташа, выходит, зайчишка-трусиха.

Но никто не догадывается, что ночью, в темноте, я внутри трясусь. Они не знают, почему на нашей с Наташкой кровати я заняла место у стенки. А я лежу посерединке в защите: справа-стенка, слева-Наташа. Если придёт чудовище, то первой стащит Наташу. Она закричит, и я проснусь. И мама с папой проснутся. Так что ночью она меня охраняет. И даже не знает об этом, спит себе спокойно. И мне хорошо спится в окружении. Хоть и стыдно, что я подставляю так сестру, подкладываю ближе к краю, к самому чудовищу. Я ёрзаю, но каждый раз успокаиваю себя тем, что об этом знаю только я. Ещё немного ворочаюсь и засыпаю.

Однажды я проснулась от страшного хриплого вопля. Я пыталась разлепить глаза, а рядом кричали так, будто у кого-то откусывали голову. И этот крик был точно не человеческий. Незнакомый. Я уже наполовину открыла глаза и увидела тень сестры. Она вскочила с кровати, побежала и щёлкнула выключатель. Вспыхнул такой яркий свет, что у меня снова слиплись глаза. Когда я их насилу разжала и подпрыгнула на кровати, сестра уже стояла в центре комнаты и сжимала что-то в руке. Она размахнулась и с силой бросила это об пол, будто хотела сделать лепёшку. Бряк! Серая огромная лепёшка стукнулась, отскочила и заползла в какую-то щель. До меня только в следующую секунду дошло, что это была крыса. Настоящая. Серая. Жирная. С огромными зубами и длинным хвостом. Наташа стояла и плакала: «Нюша, Нюша!».

Я бросилась к клетке с Нюшей – нашей маленькой белой мышкой, которая любит ночью гулять по тумбочке. На ночь мы оставляли дверцу клетки открытой, чтобы наша любимица могла ходить туда-сюда по своему дому и участку.

На тумбочке сидела Нюша с кровавой раной на шее и тяжело дышала. В комнату вбежали родители и кривым голосом закричали: «Что случилось?»

Наташа глотала слёзы и еле выдыхала: «Нюша. Её душила крыса. Аааа...Я её об пол».

Мама обняла Наташу и отвела на кухню мыть руки с мылом. Гладила по голове и называла героем. Папа кружился вокруг Нюши, впустил в клетку и повез её к врачу. А меня знобило. Я подумала: «А если бы я проснулась быстрее? Смогла бы я так же? Неужели я стояла бы, как заколдованная, пока Нюша визжит из всех мышинных сил?» Я вздрогнула от мурашек и не дышала.

Позже мы лежали с Наташей и мамой на родительской большой кровати. Рядом на шкафу стояла клетка. Нюша с перебинтованной шеей как ни в чём ни бывало с аппетитом грызла сухарики. А мы слушали её хруст, хлопали глазами и не могли уснуть. Наташа призналась: «Я не знаю, что на меня нашло. Я не успела подумать. А потом так испугалась».

Да, моя сестра снаружи – трусиха. Но я-то знаю, что внутри она – храбрый герой. И на следующую ночь я скомандовала Наташке: «Ложись к стенке». Она послушалась. А я лежала с краю, немного боялась, но мне было ни капли не стыдно. Я очень гордилась собой.

«Спи спокойно, сестрёнка. Теперь я тебя буду охранять. Моя очередь».